

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА

“СМИРЕННЫЕ, РОДИМЫЕ ЧЕРТЫ!”

Справа от большака, на подходе к нашему селу, на макушке горы Поповки, виднеется старинный деревенский погост. Три дальние стороны его окружают хлебные поля, а та, где ворота, подступает к самой дороге. Над аркой у входа высится восьмиконечный крест, снабжённый небольшой “крышей”, защищающей от непогоды осиянный образ Казанской Пресвятой Богородицы. Простенькая икона в потускневшем окладе дни и ночи хранит многовековую память о моих односельчанах.

Сколько раз входила я под сень кладбищенских вековых деревьев! Помню: с малых лет крошила здесь с бабушкой на родные могилы на Радоницу пасхальный кулич, лакомилась (не задумываясь, что кладбищенская) спелой земляникой в Духов день. Пока бабушка “правила могилочки”, я без страха (одолевало любопытство) успевала облазять меж холмиков и оградок погост, блуждая вдоль и поперёк по чуть приметным, поросшим простенькими цветиками-муравками тропинкам.

Старое кладбище, времён крепостного права, окружает высокий вал, непролазно поросший простушкой-сиренью. Этими бледно-лиловыми зарослями мир прошлого отгородился от недоступной ему земной жизни. Деревья, посаженные внутри или за оградками, никогда не пилят. Считается, что они священны. Кладбищенские берёзы и ели, дожив до почтенного возраста, умирают сами. Их предают огню тут же, недалеко от входа, подсыпая затем пепел под кусты шиповника и жасмина.

В плотной тишине, нарушаемой лишь цвеньканьем пронырливых синиц да редким вскаркиванием важных, словно примогильные служки, ворон, беззвучно суетятся пристроившиеся к кладбищенским холмикам ящерицы, стремительно исчезающие из глаз наперекор времени, остановившемуся здесь на веки вечные.

Невольно подумаешь: враки это всё, что, мол, человек хозяин, наиглавнейший на Земле. По воле Божией приходим мы в этот мир и по его же Всевышней воле покидаем порою опостылевший и всё же такой любимый белый свет. Каждый в свой роковой час, но обязательно все... без предпочтений.

Среди обычных крестов на нашем погосте то тут, то там встречаются замшелые, древние, с кровелькой – голубцы. Мимо них даже мне, девчонке не из пугливых, было боязно проходить. Казалось, заденешь ненароком покосившийся, поросший мхами-лишайниками крест, и он тут же рухнет, рассыплетя в прах – в мельчайшую пыль. А может, это и не голубец вовсе, а сама древняя древность. Мало ли чего можно от неё ожидать?!

Кладбище, как исстари повелось, показатель поэтического и художественного вкуса народа. И наши предки, и мы украшаем то, что нам дорого.

Для меня, может быть, это осталось от детства – погост как таинственный, непостижимый, сказочный мир. И старинный голубец там до сих пор не последний персонаж. Может, подкупает очарованием своих самобытно-чистых форм?

Голубец на русском погосте так же органичен, как запах цветущего шиповника, кипенные кусты жасмина, пуговики дикой герани. Сомневаешься в рукотворности позеленевших от времени крестов – настолько ощутима их слитность с праматерью Природой, словно кресты эти старинные – её детища. Как и бездонные небеса над верхушками вырвавшихся из зарослей сирени берёзок, как тихоструйная пескариная Крома, стеснительно прячущая свои воды в прибрежных осокорях под Поповкой, как разукрашенные перламутровыми лишайниками камни-валунки у Василёва переезда.

Вероятно, в деревне нашей когда-то жили и староверы – такой крест-голубец более распространён на их кладбищах. У нас хоронили всех на одном погосте, а потому и крестов каких только на нём не ставили. Бабушка моя по этому поводу говаривала так: “Что ни мужик – то вера, что ни баба – толк”.

Давным-давно уж принято считать крест-голубец символом исконно русской культуры, старины. А потому наиболее распространённой формой древних надмогильных памятников на Руси являются столбики-голубцы. В. Даль относил их к древнейшему периоду нашей истории. Происхождение столбцов связывают с языческими идолами, а также с описанным в “Повести временных лет” обычаем хоронить прах умерших после сожжения в урнах на столбах. Так было заведено и у радимичей, и у вятичей, и у кривичей дохристианской и раннехристианской Руси. Несмотря на запреты, голубец прочно вошёл в православную культуру в виде креста с двускатным покрытием из двух досок, объединяющим три верхних конца. Порою можно встретить и более сложные сооружения: развитая кровля с охлупнем, причелинами и помещённым в средокрестии объёмным киотом, что напоминает крошечную часовню, а потому об упрёках в язычестве не может быть речи.

Всё это я узнала намного позже, а в детстве меня вело простое любопытство. Чуть повзрослев, набравшись смелости, я отдирала мхи с поверхности окаменевших тесин и обнаруживала, что они обработаны контурной резьбой. Торцы выкрошились, но порой можно было ещё различить их причудливые очертания. Встречались и круглые, и восьмигранные, без убора, с длинноскатной кровлей. Они, словно сухопарые седые старцы (до двух метров высотой), возвышались над сровнявшимися с землёй могилами. Порой в верхней части, под кровелькой, удавалось обнаружить почти ислевший киот с медным образком, а коли повезёт – то и с частью еле различимого складня. Однажды посчастливилось: в самом центре погоста, пробравшись в заросли крушинника, отыскала почти упавший массивный голубец. На самом верху крошечная, совсем развалившаяся часовенка. Концы тесин – наконечники стрел. А столбик с несколькими перехватами и затейливой резьбой: тут и коlobки, и верёвочки, и горбыльки, и бусинки.

Я наловчилась очищать голубцы – мхи и лишайники шапками снимались с дубовых тесин – только поддень их острой щепочкой. Резьба разнообразна, но всё-таки в ней всегда сочетались крупные упругие линии и формы с мелкими, ритмично чередующимися деталями. Казалось, мастера изощрялись друг перед другом в умении передать особым рисунком характер того, кому ставился памятник. У каждого столбца обнаруживалось своё лицо!

Позже, увлечшись древней историей, я узнала, что многие элементы декора сложились именно тогда, в дохристианской Руси. Например, круглая розетка на причелинах олицетворяла солнце, зубчатый городок – символ плодородия Берегини, а изукрашенное причудливой резьбой “полотенце” под коньком – знак жизненной чистоты. Встречались голубцы, у основания которых – зубчатые линии. Известно, что это – древние водные символы. Цветок над такими линиями – солярный знак – солнце, плывущее ночью по подземной реке. Тесины голубцов окрашивали в небесные цвета, а солярные знаки на них были ярко-жёлтыми.

Иногда в лесной глуши, в самой её чаще нет-нет да и встретишь последнего свидетеля невозвратно минувших времён – замшелый крест с часовенкой на кровле, с иконкой покровительницы Руси – Пресвятой Богородицы, с причудливой солярной символикой.

Обнаружишь его, и захочется заглянуть поглубже в историю своего народа, узнать, чему он радовался, какие песни пел, отчего кручинился.

...Помнится, брали мы с бабушкой землянику в дальнем Куманёвом лесу и натолкнулись на стар-голбец. Сели подле него потрапезничать-передохнуть. Сморило меня, уж и задремала, вдруг слышу: то ли поёт бабуля, то ли плачет. Грустно так, будто по близкому стонет, песню прабабкину тянет:

*Со восточной со сторонушки
Подымались да ветры буйныя
Со громами да со гремучими,
С молоньями да со палючими;
Пала, пала с небеси звезда
Всё на батюшкину на могилушку...
Расшиби-ка ты, Громова стрела,
Ещё матушку да мать — сыру землю!
Развались-кося ты, мать-земля,
Что на все четыре стороны!
Скройся-ко, да гробова доска,
Распахнитеся, да белы саваны!
Отвалитесь, да ручки белы,
От ретива от сердечушка.
Разожмитесь, да уста сахарные.
Обернись-кося, да мой родимый батюшка,
Перелётным ты да ясным соколом,
Да слетай-кося да на сине море,
Да на сине море да Хвалынское,
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
Со белова лица ржавчину;
Прилети-ко ты, мой батюшко,
На свой ет да на высок терем.
Всё под кутисё да под окошечко,
Ты послушай-ко, родимый батюшко,
Горе горьких наших песенок.*

То ли об ушедших родных печалилась бабушка, то ли выплакала на безымянной лесной могиле разом горечь за всех наших баб. По всем без вести пропавшим, ни за что убиенным, бесследно сгнувшим на безмерных русских просторах за века дремучие, долгие. Как бы то ни было, только и по сей день не могу позабыть той песни, врезалась она с единого раза в мою память, да так и осела где-то у самых её истоков. Рядом с накопленной за века предками моими – вятичами, впитанной с молоком матери любовью ко всему истинно славянскому.

Вероятно, это кровь древних русичей радостно вскипает во мне и сладостно тоскует по приокским лесным кущам и безбрежным степным просторам, когда в Третьяковке простаиваю я часами в зале Михаила Нестерова. Чуден и многогранен мир этого великого художника, как прекрасна и земля, породившая его. С нескрываемой любовью создавал он женские и мужские образы в традиционных русских одеждах. Широкие сарафаны, белые расшитые сорочки, большие цветастые платы... Героев окружают обыденные предметы: деревянные бадьи и коромысла, рубленные колодцы и ковши, и те же голбцы.

Мне близко понимание, ощущение Родины, которым проникнуто творчество художника, — это не феерический мир знати, а простолюдинная Русь с её лесистыми холмами и ковыльными долами, с бело-розовыми кувшинками в первозданных затонах, с васильковой просинью среди поспевающих хлебов. Русь М. Нестерова такая же, как и моя: то скромно-сдержанная, то сказочно-таинственная. С полотен прямо в душу смотрят её “из простых простые” святые и герои, купцы и крестьяне, монахи и странники — мой родной народ. Посмотришь на мастерски выписанные древние погосты, на соловецких пустынников, на застывших, словно вне времени, старцев и тут же уверуешь: русский народ воистину является носителем православной цивилизации.

Каждый раз, приезжая на малую родину, вижу нестеровские дали, просторные – не объять – небеса. Встречаю лица с его полотен. Здесь, у нас, на наших просёлках, на наших лесных стёжках.

Застала я за Сенькиной околицей последний придорожный голубец в нашей округе. Сказывают деревенские такую быль. Пришёл когда-то на ручей Жёлтый пращур мой вятич. Срубил избу, зажил семьей. Только рождались у него в дому одни дочери, не дал Бог наследника. А без него, знамо дело, и семья – не семья. Затосковал мужичок и поставил у тропинки, ведущей в хуторок, обетный крест с треугольной тесовой кровелькой. А через некоторое время понесла его жена тройню. Да все – парни!

Сколько воды утекло в Жёлтом с тех туманных пор, сколько голбцов источило время за хуторской околицей! А тот, последний, остался навсегда в моей памяти. Дубовый, двухметровой высоты. Склонил главу свою на правый бок, словно всматривался в даль: не видать ли откуда ворога. Стоял старинный голубец на страже у въезда в деревеньку, охранял Репейный просёлок. А Пресвятая Богородица на иконке из-под кровельки простирала Свой благословенный Покров на хаты и пашни, оберегая скудные крестьянские радости.

Выбегая за околицу встретить корову из стада, мы усаживались вблизи голбца, у Сладкого родника. Водица в источнике, по заверениям стариков, была святая. А потому с детства нас приучили обращаться с нею бережно. Напившись из ковшика, что висел тут же на ракивовом сучке, располагались чуть поодаль.

Вокруг креста носились ласточки, гонялись за мошками, возвращались к ненасытным птенцам, пищавшим в гнезде под самой кровелькой. Гнездышко это никто (даже Лёха Басурман!) никогда не разорял – Божьи пташки.

Каждой весной дед Федот, деревенский старожил, выползал за околицу, чтобы собственноручно подкрасить “лазоревою” краской столбец, перекладинку и кровельные тесинки. Перед работой, прикрыв глаза, долго стоял на коленях у подножия креста. О чём он беседовал с Божьей Матерью, никто не ведаёт. Мало ли накопилось печалей за такую-то долгую жизнь у осиротевшего старика... Поделится ими особо не с кем, разве что Казанской открыться.

За лето дикий выюн, проскальзывая по волнистым зазубринам и насечкам до самой кровли, густо украшал столбец нежно-розовыми граммафончиками. Дед сдёргивал прошлогоднюю повить и, перекрестившись в последний раз, принимался за работу. Мы, готовые в любую минуту подскочить на подмогу, крутились около. Но Федот, занятый самым важным для него делом в году, не обращал на нас никакого внимания. Да разве мог он доверить мальчикам свою заботу о хуторском хранителе – старинном кресте-голубце?!

Закончив ежегодный ритуал, старик важно крякал, вытирал кисти и руки пучком травы, степенно крестился на образок, говоря каждый раз одно и то же: “Пресвятая Богородица! Защити нас!” – полагая, что этого достаточно, чтобы обошли стороной беды-несчастья, чтобы весь год над хутором сияло солнце, за околицей не полёг хлебушек, чтобы велась по подворьям скотинка. А самое главное, чтобы в семьях земляков царили лад да покой.

Детвора к голубцу приближаться остерегалась, но относилась всегда с почтением. Проходя мимо, в луга на сенокос ли, в ближнюю ли рощицу за ягодкой-малиной, родители наши сбавляли шаг, кланялись и крестились, а потому и мы, ребятяня, крестились за ними вслед.

Парни девушкам неподалёку назначали свидания, бабы тайком прибега-ли сюда поплакаться о своей незадавшейся доле.

На Троицу и Духов день водили здесь “карогоды”, увешивая голбец берёзовыми венками.

Лето пробегало по пыльному просёлку мимо креста за Сычин бор, за Большой лог, догоняя взбалмошных непоседливых касаток. Над золотистым жнивём парила “богородичная пряжа”. С первыми морозами на кресте поникала весёлая повилка. И уже не понять было, Казанская ли грустит-печалится, или пронырливая струйка морозящего неделю напролёт дождя пробралась сквозь обветшавшую кровельку и прозрачной слезкой стекает по иконе на ворох ракивовых листьев, нанесённых занудными ветрами к подножию голбца.

Заблудились мы однажды с дедушкой в зимнее ненастье. Конь из сил вы-бился, ветер крепчал, впереди – ни зги. И вдруг, прямо перед нами – голбец, наклонился, почти из сугроба не видать, тесинку от кровельки оторвало, закружило, в поле понесло. Крест промёрз, закалянел, аж звенит. Но дер-

жится, стоит! Службу свою праведную несёт. Как мы ему обрадовались! Оказывается, два часа водил нас бес вокруг деревни, пока голубец не повстречали. А может, крест сам нас отыскал, не дал сгинуть?

А ещё жил у нас когда-то охотник, по кличке Сохатый. Перед тем как в лес идти, прилачился он на околицу, к кресту заглядывать. Положит к подножию с вечера травку “голубец болотный”, спозаранку заберёт, приговаривая: “Пойду в лес легко и смело, вернусь с добычей и целый”. Травку на груди в мешочке на охоту прихватит. И будет верить, что с ней, с травкой этой освящённой, никакой зверь его не тронет.

В семье моей всегда почитался праздник Воздвижения Креста Господня. Он выпадал на последний день Бабьего лета. Праздник этот постный, а потому, стряпая голубцы с маслятами или рыжиками, бабуля приговаривала: “На Воздвиженье зипун с шубой сдвинется. Воздвиженье — последняя копна в поле движется”. Именно в этот день в давние времена ставились обетные придорожные голбцы, водружались кресты на новых храмах. Бабушка рассказывала о том, как на Воздвиженье в былые времена участвовала она девчонкой в крестном ходе вокруг деревни — для ограждения от всякого лиха на круглый год. В каждой хате на стол подавалось блюдо из капусты — голубцы.

Время неустанно бежит вперёд. И вот уже почти совсем не заметны следы нашей родной старины. Грустно... чувствую, как безвозвратно теряются исконно русские представления о мире. Всё чаще слышу: “Я гражданин планеты”. Обезличивание, обесценивание накопленных столетиями национальных ценностей ни к чему хорошему не приведёт. Потеря генеалогической памяти — страшная прогрессирующая болезнь нашего века. Наверное, оттого так отраднo мне нечаянно увидеть у дороги на Орловщине свежесработанные кресты-голубцы с образом Пресвятой Божьей Матери. Потому с великой радостью встретила я и весть о вновь обретённом моими земляками православном храме во имя преподобного Сергия Радонежского. Церковь-красавица высится на той же горе Поповке, где в зарослях сирени приютился наш древний погост, где хранится “память и грусть моей родины милой”. У большака — новый дубовый пятиметровый крест-голубец. Смотрю на него, и сердце тает, и вспоминаются бунинские строки:

*В лесу, в горе, родник, живой и звонкий,
Над родником — старинный голубец
С лубочной почерневшею иконкой,
А в роднике — берёзовый корец.
Я не люблю, о Русь, твоей несмелой,
Тысячелетней рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковшик белый —
Смиранные, родимые черты!*

г. Орёл